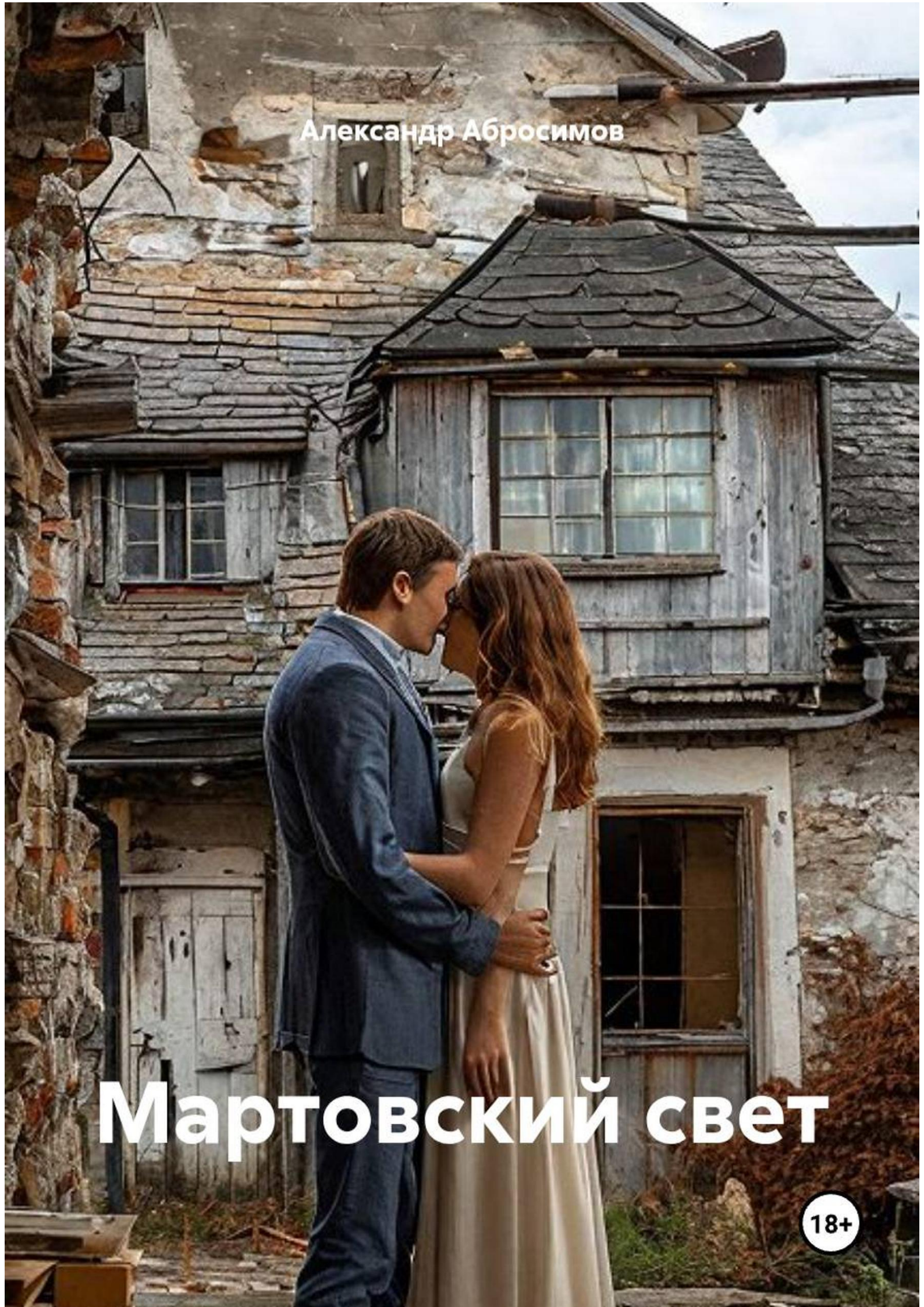

A man and a woman are shown in a romantic embrace, nearly kissing. The man is wearing a dark blue suit, and the woman is wearing a light-colored, sleeveless dress. They are standing in front of a very old, weathered stone building with multiple windows and a dark, shingled roof. The building appears to be in a state of disrepair, with peeling plaster and exposed stone. The overall mood is romantic and nostalgic.

Александр Абросимов

Мартовский свет

18+

Александр Абросимов

Мартовский свет

«Автор»

2026

Абросимов А.

Мартовский свет / А. Абросимов — «Автор», 2026

Двадцать лет брака. Идеальный дом без сквозняков. И трещина в потолке, которую они больше не могут игнорировать. Марк — гениальный проектировщик. Он знает всё о точках напряжения в бетоне и коэффициентах надежности мостов. Его работа — строить несокрушимые конструкции. Анна — учительница литературы. Она учит детей чувствовать боль Раскольникова, но давно разучилась чувствовать собственную. Их брак был безупречным архитектурным проектом: крепкий фундамент (ипотека на 30 лет), теплые батареи и отсутствие бытовых катастроф. Но однажды ноябрьским вечером Марк возвращается с корпоратива, а Анна понимает, что запах остывшего чая пугает её сильнее измены. Они перестали касаться друг друга просто так. Каждое прикосновение стало транзакцией: просьба передать соль, извинение за задержку, напоминание об ипотеке. Красные чернила в тетрадях учеников стали единственным местом, где Анна ещё способна испытывать живые эмоции, пока их квартира медленно превращается в звуконепроницаемый склеп.

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Радиатор	7
Глава 2. Трещина в штукатурке	10
Глава 3. Архитектура привычки	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Абросимов

Мартовский свет

Пролог

Говорят, браки распадаются из-за измен, денег или невыносимых характеров. Психологи в глянцевых журналах чертят графики угасания либидо и пишут статьи о кризисе седьмого года. Они всё усложняют.

Наш брак начал умирать от отсутствия радиаторов.

Всё началось прошлой весной, когда управляющая компания решила сэкономить на опрессовке труб в старой двенадцатизэтажке на окраине Москвы. В конце апреля нам отрезали батареи с какой-то оскорбительной поспешностью. Дому предстояло целое лето учиться дышать без привычного металлического сердцебиения. Мы тоже решили, что справимся.

Лето мы пережили легко. Летом люди вообще любят друг друга охотнее: кожа соленая от жары, вечера пахнут озоном после короткого ливня, а спать можно нагишом, не деля узкое пространство кровати на «свою» и «чужую» половину. Мы были легкими. Мы смеялись над тем, как кот спит, растянувшись во всю длину линолеума. Мы строили планы на отпуск.

Осень принесла первые заморозки и фантомные боли. По ночам мне начало казаться, что я слышу щелчки глухие, ритмичные толчки остывающего металла где-то глубоко в стенах. Мозг отказывался принимать пустоту. Я просыпалась в темноте, протягивала руку к Марку, но находила лишь прохладную простыню. Он снова сидел внизу, в своём кабинете, сводя таблицы, которые ненавидел последние десять лет. Дом стал похож на заброшенный храм: своды есть, росписи выцвели, а бога нет. Только эхо наших шагов.

А потом наступил ноябрь. Тот самый вечер, который ничего не значил и значил одновременно всё.

Я сидела у окна, завернувшись в старый плед. Шерсть кусала голые плечи. Этот плед связала моя бабушка за год до того, как её пальцы окончательно скрючила подагра сплошной узел из колючей серой пряжи и упрямства. Внизу сигналила чья-то машина, торопя кого-то в никуда. В квартире было так тихо, что звенело в ушах. Именно в этой звенящей пустоте я вдруг поняла страшную вещь: мы разучились прикасаться друг к другу просто так.

Наши касания стали транзакциями.

Рука на плече означало «передай соль».

Легкий поцелуй в висок означало «я прошу прощения, что задержусь допоздна, но ужин в холодильнике».

Сжатие ладони означало «нам нужно поговорить о кредите».

Мы обменивались этими жестами-валютами весь день, пока счет не обнулится. К вечеру пятницы у нас не осталось ни одного бесплатного, ни к чему не обязывающего прикосновения. Мы стали деловыми партнерами по управлению общей жилплощадью.

Марк вошел тогда бесшумно. Он всегда старался ступать тихо, будто боялся спугнуть мою усталость. Но я услышала его не слухом позвоночником. Воздух в прихожей стал плотнее, тяжелее. А потом он замер в дверях кухни, и я увидела его силуэт на фоне серого окна.

В тот момент я приняла самое взрослое решение в своей жизни. Не уходить. Не кричать. Не требовать немедленно починить эти проклятые трубы во всём районе.

Я просто протянула руку и коснулась его запястья поверх холодной манжеты куртки. Никакого подтекста. Никаких просьб. Мне просто нужно было заземление. Нужно было убедиться, что человек, с которым я прожила полжизни, всё ещё состоит из тёплой крови, а не из годовых отчетов и ипотечных обязательств. Что пульс под моими пальцами бьётся в том же ритме, что и мой собственный.

Он удивился. Вздрыгнул всем телом, словно его ударило током. Обжёгся о простое человеческое тепло. Люди боятся простых вещей, Александр, потому что перед ними невозможно притвориться сложным.

Эта секунда стала точкой отсчёта. Нулевым меридианом.

Всё, что будет происходить дальше наши ссоры из-за незакрытого тюбика зубной пасты, молчание за ужином, попытка сбежать из дома посреди зимы и долгое, трудное возвращение друг к другу, началось именно там. На холодном подоконнике ноябрьским вечером. Когда мир снаружи готовился замерзнуть, мы впервые за много лет попытались согреть воздух между собой собственными ладонями.

Глава 1. Радиатор

Вечер опускался на город медленно, словно густая масляная краска, которую художник ленится распределить по холсту до конца. Ноябрь в Москве всегда был цветом мокрого асфальта и старой стали. В квартире Анны и Марка пахло озоновой свежестью от увлажнителя: искусственная попытка обмануть пересушенный батареями воздух, которых этой осенью у них всё ещё не было.

Тишину резал только один звук: сухой, металлический щелчок остывающего радиатора в спальне. Щёлк. Пауза секунд в десять. Щёлк. Анна сидела у кухонного окна, завернувшись в старый бабушкин плед. Шерсть колола голые предплечья, но она не поправляла его. Боль была хорошим якорем, не дававшим провалиться в ту вязкую апатию, которая накрывала её последние полгода.

Она любила эти минуты межвременья, когда день уже сдался, а ночь ещё не вступила в свои права с правом вето на все звуки. Сумерки стирали стыд. Днём ты должен быть эффективным, улыбчивым, полезным. Ночью страстным или спящим. А в сумерках можно просто быть куском плоти, уставшим держать вертикаль. В такие мгновения мир становился тише, и она начинала замечать то, что днём терялось в белом шуме столицы: как пыльный луч фонаря полосой ложится на край подоконника, обнажая каждую царапину на ламинате; как тонко, почти траурно пахнет остывший чай с бергамотом в большой кружке; как едва слышно дышит сам дом: поскрипывает старыми перекрытиями, жалуется на сквозняки из подъезда.

Анна работала редактором в крошечном научном издательстве. Сегодня днём автор заслуженный профессор физики, человек со званием, написавший монографию о квантовых точках, орал на неё матом за пропущенную запятую в библиографии. Орал так, будто эта запятая стоила ему Нобелевской премии. Анна стояла под градом оскорблений, кивала, чувствуя, как немеет левая щека (первый признак мигрени), и думала только об одном: «Пожалуйста, пусть Марк придёт домой раньше десяти». Ей отчаянно нужен был кто-то, перед кем не нужно держать лицо профессионала.

В прихожей скрипнула дверь. Щелчок замка прозвучал слишком громко, агрессивно. Так звучит металл, когда у держащего его дрожат руки. Марк вошел, тяжело привалился плечом к косяку, чтобы перевести дух. Он даже не стал включать свет в коридоре. Силовая экономия ресурсов.

Он всегда старался ступать бесшумно, будто боялся спугнуть эту вечернюю тишину, словно она была хрупкой птицей, севшей ему на плечо. Но Анна всё равно слышала его. Не шаги подошвы его зимних ботинок: лишь глухо шаркнули по ламинату, сбивая влажную грязь. Она чувствовала его присутствие всем телом. Словно воздух в узком пространстве между кухней и гостиной чуть изменился, стал плотнее, ближе, теплее. Давление выровнялось. Дом узнал своего второго хозяина.

Марк остановился в проёме кухни. Свет падал сзади, превращая его фигуру в тёмный, слегка сутулый силуэт. От него пахло улицей: бензином, прелыми листьями из урны у метро и чем-то сладковато-химическим, цветочным. Секретарша Леночка. На корпоративах она все-

гда дежурила у стола с напитками, наклоняясь слишком низко над пластиковыми стаканчиками.

Ты не спишь? тихо спросил он. Голос был шершавым, сорванным. Наверное, пытался шутить там, внизу, смеяться чужим плоским шуткам про курс доллара и новую политику опенспейса.

Анна покачала головой. Говорить не хотелось любое слово казалось фальшивой монетой. Вместо ответа она чуть подвинулась на широком подоконнике, освобождая место рядом. Тяжёлый плед соскользнул с одного плеча, открывая тонкий хлопок домашней рубашки в мелкий выцветший цветок. Он сел, не снимая куртки, будто ещё не до конца вернулся из уличного холода. Капюшон оставил на его темных волосах крошечные бисеринки растаявшего снега. Пахнуло холодом настоящим, октябрьским, кладбищенским.

Анна протянула руку и осторожно коснулась его запястья поверх грубой ткани манжета. Не для того, чтобы позвать или успокоить. Просто чтобы почувствовать физику: да, он здесь, настоящий. Под её пальцем билась жилка частый, загнанный пульс. Кожа была ледяной, но чуть выше, где пряталась вена, шёл спасительный внутренний жар. Контраст температур обжёг её пальцы сильнее любого огня.

Марк замер на секунду. Вздрогнул всем телом, плечи пошли вверх. Он удивился этому прикосновению, такому простому и в то же время редкому в их будничной жизни. За последний год они касались друг друга только функционально: передавая пульт от телевизора, задевая плечами в тесной ванной, механически целуя в щеку при выходе из дома. Её палец лежал точно на синей нитке его вены, отсчитывая секунды. Это было интимнее всякого секса.

Потом он медленно снял куртку. Движение вышло неловким, ломаным. Стянул её с плеч одним рывком, от которого затрещали швы подкладки, и тяжело бросил на спинку стула. Куртка повисла мертвым грузом, источая запах сырого города и офисной пыли. Он снова сел рядом, вытянув длинные ноги в сырых джинсах. Колени упёрлись в тот же подоконник.

Они молчали. Но в этой тишине слова были не нужны. Любой вопрос дежурное «Как прошёл день?» разрезал бы этот тёплый пузырь безопасности, и внутрь хлынул бы холодный сквозняк реальности. Если он спросит, ей придётся рассказать про профессора и квантовые точки. И мигрень тут же выстрелит в висок раскалённым гвоздём. Если она спросит, ему придётся рассказывать про идиота-начальника и липкие взгляды Леночки. Молчание было актом милосердия.

Анна чувствовала, как постепенно уходит его напряжение. Оно стекало вниз, от затылка к сведенным лопаткам, к рукам, безвольно легшим на колени, и растворялось в колючей шерсти пледа. Мышцы на его шее перестали ходить ходуном. А Марк, в свою очередь, смотрел на неё сквозь падающие на глаза пряди. Он видел, как у неё чуть разглаживается морщинка между бровей вертикальная складка, появившаяся там, после тридцати восьми. Как белеют костяшки пальцев, сжимающих край подоконника. Это была её старая привычка, которую он давно подметил: она так делала, когда день был слишком тяжёлым, впиваясь ногтями в собственные ладони до полумесяцев-лунок.

Ему захотелось забрать её боль. Физически вынуть из-под кожи, переложить в свой карман. Но вместо этого он сделал единственное, что умел делать правильно сейчас.

Он осторожно взял её ладонь в свою. Руки совпали идеально истёртой десятилетиями кожей, формой ногтей, линиями судьбы, которые давно пересеклись и перепутались. Их пальцы переплелись сами собой, без участия мозга. Это было не про страсть, не про желание немедленно уволочь друг друга в спальню, срывать одежду и доказывать, что они всё ещё живы. Эта сцепка рук была про доверие. Про то, что можно быть рядом и ничего не требовать. Просто чувствовать тепло чужой ладони и знать, что тебя не отпустят в темноту, даже если ты сам готовишься туда упасть.

За окном окончательно стемнело. Где-то внизу зажглись редкие фонари, их оранжевый свет отразился в мокром чёрном асфальте двора дрожащим мазутным пятном. Двор опустел, жизнь ушла в бетонные коробки. А в кухне стало совсем спокойно так спокойно, что даже тишина перестала казаться пустой. Она наполнилась дыханием, тихими вздохами, едва уловимыми движениями, которые говорили больше любых слов. Слышно было, как тикают часы в гостиной старые, механические, купленные ещё отцом Марка. Тик-так. Маленький метроном их общей, всё ещё продолжающейся жизни.

И в этом внимании к мелочам, в этой способности опознавать партнёра по температуре кожи и изменению состава воздуха, и была их особенная, очень личная близость. Близость двух людей, которые знают все трещины на потолке спальни, но продолжают спать под одной крышей, потому что снаружи ноябрь, а внутри всё ещё работает хотя бы одна точка тепла.

Глава 2. Трещина в штукатурке

Утро субботы началось не с будильника, а с запаха мокрого цемента и озона. Марк проснулся первым его внутренние часы, настроенные на пятнадцать лет офисной каторги, сбоев не давали. Он лежал, глядя в потолок, и слушал тишину квартиры. Вчерашнее тепло у окна казалось сном, галлюцинацией от переутомления. Сейчас воздух был стерильным и холодным.

Анна ещё спала, свернувшись калачиком на самом краю кровати том самом, который считался «его» уже много лет. Пространство между ними можно было измерить линейкой: ровно двадцать сантиметров пустоты, полоса ничейной земли. Впервые за долгое время они легли спать отвернувшись друг от друга. Не со скандалом, не демонстративно, а просто потому, что оба рухнули в кровать как два неодушевленных предмета. Марк уснул лицом к двери, готовый защищать периметр, Анна спиной к нему, укрыв голову подушкой, чтобы отсечь остатки дневного шума.

Он встал тихо, стараясь не скрипнуть старыми половицами. На кухне автоматическая кофемашина выдала первую порцию эспрессо с тяжелым, маслянистым вздохом. Марк смотрел в окно во двор. Субботний двор жил своей жизнью: кто-то уже выгуливал собаку, несмотря на морозящую взвесь, зависшую в воздухе. К горлу подступило глухое раздражение. Выходные всегда давили на него сильнее будней. В будни всё понятно: вот задача, вот дедлайн, вот Excel-таблица. А суббота требовала жизни, эмоций, досуга. Марк не знал, куда девать свою свободную волю.

В ванной капало. Кап. Пауза. Кап. Звук отдавался в черепной коробке тупой болью. Смеситель подтекал уже третью неделю. Марк стоял перед раковиной, чистя зубы, и смотрел на желтую ржавчину, расплзающуюся вокруг основания крана. Это была его территория. Мужская работа. Починить, прикрутить, заменить прокладку. Но сил не было даже на то, чтобы дотянуться до ящика с инструментами под ванной.

Доброе утро, голос Анны прозвучал сипло, по-утреннему беззащитно.

Она стояла в дверях ванной, кутаясь в широкий халат Марка. Ткань висела на её узких плечах мешком, рукава были закатаны вдвое. Она выглядела маленькой и уставшей. Мешки под глазами сегодня имели отчетливый фиолетовый оттенок.

Кофе? спросил он, не вынимая щётки изо рта.

Она кивнула, пытаясь пригладить влажные после сна волосы.

Они столкнулись в узком коридоре, ведущем из спальни в кухню. Марк выходил из ванной, Анна шла умываться. Вместо того чтобы пропустить её или прижаться к стене, они замерли в проходе. Коридор шириной в метр вдруг показался им тоннелем метро в час пик.

Проходи, сказал он, вжимаясь спиной в обои.

Нет, ты, она попыталась сдать назад, но уперлась в дверь ванной.

Они стояли так секунду, дыша друг другу в лицо запахом зубной пасты и вчерашнего ужина (жареная курица), пока Анна наконец не выдохнула раздраженно:

Да господи, Марк.

Она резко развернулась, задев его локтем грудь, и почти бегом скрылась в ванной. Дверь захлопнулась с таким звуком, словно отрезала их друг от друга навсегда.

Завтракали молча. Яичница-глазунья, которую Марк пытался спасти, пережарив края. Слишком жидкий желток растекся по тарелке бесформенным солнцем. Анна механическиковыряла вилкой белок, глядя в одну точку.

Марк решил заполнить вакуум звуками ремонта. Это была безопасная тема.

Надо кран менять, начал он, прихлебывая кофе. И в туалете кнопка слива западать начала. Вызову сантехника на следующей неделе. Заодно посмотрим, может, сразу трубы переправим, раз стояк всё равно отключать...

Он говорил о фаянсе, резьбе и полипропилене, раскладывая хаос быта на понятные схемы. Дом для него был механизмом, который требует техобслуживания. Если вовремя смазывать детали и менять прокладки, механизм прослужит долго.

У меня вчера восьмиклассник Соколов плакал, перебила его Анна.

Марк осёкся на полуслове. Механизм дал сбой.

Что?

Соколов. Из десятого «Б». Пришел на допы по литературе. Сел за последнюю парту и просто заплакал. Молча. Так, что плечи ходуном ходили.

Анна смотрела мимо Марка, сквозь стену кухни, видимо, видя перед собой облупившуюся краску кабинета и худую спину подростка.

Ты выяснила, почему? осторожно спросил Марк, возвращая чашку на блюдце. Звон фарфора показался ему оглушительным.

Выяснила, горько усмехнулась она. Мама сказала ему, что если он не сдаст ЕГЭ хотя бы на восемьдесят баллов, она перестанет им гордиться. Маме сорок пять, у неё свой салон красоты и молодой любовник. Ей нужен успешный сын для статуса в Инстаграме. А мальчик читает Камю и хочет стать художником-постановщиком в театре. Представляешь этот диссонанс?

Марк не представлял. Для него успех измерялся квадратными метрами жилой площади и маркой автомобиля.

Ну... надо было поговорить с матерью, пожал плечами он. По-взрослому. Объяснить ей про психику ребенка.

Анна подняла на него глаза. В них плескалось такое холодное презрение, что Марку физически стало зябко.

Поговорить? Марк, мы живем в мире, где родители калечат детей ради своих амбиций, а потом удивляются, почему те вскрывают себе вены в девятнадцать. О чем мне с ней говорить? О том, что её новый хахаль подарил ей очередную сумку, пока её сын пытается понять, зачем ему вообще жить? Моя сменщица Лена считает, что парня нужно отдать в кадетку, чтобы «выбили дурь». Весь педсовет так считает. А я сидела рядом с ним в этом кабинете, чувствовала запах его пота и страха, и понимала, что моя единственная победа будет, если он завтра просто придет в школу. Просто переступит порог.

Повисла пауза. Желток на тарелке окончательно остыл и стал мертвенно-серым. Марк чувствовал, как внутри закипает глухое, иррациональное бешенство. Ему хотелось крикнуть: «А я?! Как прошел мой день, тебе интересно?! Я три часа улыбался людям, которые считают меня мебелью! Я дышал духами чужой женщины, потому что корпоратив это обязательство! Мой мир тоже рушится, Анна!»

Но он посмотрел на смеситель над раковиной. Потом снова на Анну. Они смотрели на один и тот же предмет текущий кран, но видели абсолютно разное. Он видел деталь, требующую замены гаечным ключом на семнадцать. Она видела метафору утекающего времени, слез и бессмысленности усилий.

Квартира внезапно стала невыносимо тесной. Девять шагов от холодильника до плиты. Шесть шагов от стола до окна. Потолок высотой два сорок пять давил на макушки бетонной плитой. Запахи жареного лука, стирального порошка и старой пыли смешались в густой коктейль клаустрофобии. Стены начали сближаться.

Я ополосну, глухо сказал Марк, вставая и сгребая обе тарелки в раковину. Звук посуды ножом резанул по нервам.

Весь остаток утра они передвигались по квартире, соблюдая сложную хореографию избегания. Когда Марк шел заваривать чай, Анна выходила на балкон вытряхивать тряпку. Когда она садилась проверять тетради в гостиной, он уходил в спальню искать паспорт среди документов. Им не нужны были конфликты они устали злиться еще лет пять назад. Теперь они просто экономили кислород друг для друга.

Днем небо затянуло плотной серой ватой. Без дождя, без снега просто вечная московская взвесь. Марк сел за ноутбук сводить смету на ремонт санузла, открыв параллельно рабочую почту «всего на полчаса, отвечу клиенту». Анна ушла в спальню, плотно закрыв дверь. Оттуда не доносилось ни звука, только изредка шуршала бумага.

Вечером, когда пришло время ложиться, ритуал повторился. Марк выключил свет в гостиной. Щелкнул выключатель сухой, окончательный звук. Анна уже лежала в постели.

Он подошел к своей стороне, откинул одеяло. Лег. Автоматически протянул руку вправо, туда, где должна была быть её талия, ища привычную косточку бедра, чтобы зацепиться пальцами и провалиться в сон.

Рука наткнулась на прохладную простыню.

Анна лежала на самом краешке матраса, повернувшись к стене. Между лопатками у неё торчал острый угол позвоночника. Поза закрытого замка.

Марк медленно убрал руку, положив её поверх своего одеяла, как чужую. Он уставился в темноту перед собой. Слева, со стороны Анны, тянуло едва уловимым сквозняком из-под плинтуса. Справа, у стены, было душно и жарко от батареи соседской комнаты, которая работала исправно.

Он лежал на полосе отчуждения. Двадцать сантиметров холодной ткани разделяли их жизни эффективнее любого заявления о разводе. Впервые за десять лет брака Марк поймал себя на мысли, что боится пошевелиться. Боится нарушить эту границу, потому что не знает, пустят ли его обратно, если он попытается её пересечь. Боялся, что если сейчас заговорит, единственное, что он сможет сказать это стоимость новой инсталляции для подвесного унитаза.

Глава 3. Архитектура привычки

Марк не спал.

Он лежал на спине, закинув руки за голову, и смотрел в серый квадрат потолка. Там, где обои чуть отходили от стыка плит ровно над серединой кровати, темнела тонкая, как игла, трещина. Двадцать лет назад её не было. Она появилась постепенно: сначала волосяная линия после усадки дома, потом миллиметр, еще один. Теперь она напоминала реку Лету, разделившую их спальню на два независимых государства. Он знал рельеф этой трещины наизусть. Мог нарисовать её с закрытыми глазами.

Анна дышала ровно, но он чувствовал спиной её напряжение. Даже отвернувшись к стене, она не спала. Слышно было, как шуршит одеяло, когда она слишком сильно сжимает пальцы в кулаки старая привычка, которую он давно подметил. Тик-так, отсчитывали время часы в гостиной. Кап-кап, напоминал о себе предатель-смеситель. Механический метроном их брака отбивал ритм распада.

Чтобы не сорваться и не встать курить на ледяной балкон, Марк заставил себя закрыть глаза и провалиться в прошлое. Туда, где всё это началось. Где архитектура их отношений только возводилась, и фундамент ещё пах свежей известью, а не сыростью подвала.

Декабрь две тысячи четвертого.

Общежитие филфака на Ломоносовском гудело, как растревоженный улей. По коридорам плыл сизый дым дешевых сигарет, запах перегара «Очаковского» и едкий аромат освежителя воздуха «Хвоя», который бессильно пытался замаскировать общую безнадежность места. Это была та самая легендарная вечеринка курса Миши-Бармалея, куда пускали по принципу «знаешь пароль или несешь алкоголь».

Анну занесло туда случайно. Она вообще не должна была там быть. В планах на вечер значились Борхес, конспект по старославянскому и чай с лимоном. Но соседка по комнате рыдала из-за парня, требовалось экстренное применение женской солидарности, а женская солидарность в общежитии всегда заканчивалась пластиковыми стаканчиками. Анна стояла у стены, прижимая к груди тарелку с домашними бутербродами (единственная приличная еда на этом празднике жизни), и чувствовала себя антропологом на Марсе.

Марк был архитектором. Будущим. Студентом третьего курса МГСУ, попавшим сюда по приглашению школьного друга. Среди людей, цитировавших Цветаеву между глотками портвейна, он выглядел инородным телом массивным, надежным, скроенным из других чертежей. От него пахло морозом, дешевым табаком и чем-то неуловимо мужским, основательным. Он стоял у стола в углу комнаты, нависая над тазиком с оливье, и методично уничтожал салат столовым ножом, используя его вместо вилки. Нож жалобно скрежетал по фаянсу тарелки.

Их траектории пересеклись у того самого тазика. Салат закончился одновременно во вселенной и конкретно в черпаке Марка. Анна потянулась за последним куском докторской колбасы, плавающим в майонезном болоте. Марк дернулся, пытаясь спасти колбасу для своего хлеба.

Бросок через бедро? хмыкнул он, глядя сверху вниз на её руку с коротко стриженными ногтями, лишенными всякого маникюра.

Вместо ответа их ладони столкнулись прямо над заветным розовым кругляшом. Не романтично, не изящно неуклюже, влажно от майонеза и оглушительно громко на фоне гитарного перебора.

Но электричество ударило обоих именно в этот момент.

Это не было похоже на кино. Никаких ангельских арф. Просто воздух вдруг загустел, стал плотнее, и температура кожи повысилась градусов на десять. Они замерли, соприкасаясь ладонями над холодным стеклом салатника. Пальцы Марка были горячими, мозолистыми, привыкшими держать рейсшину. Пальцы Анны холодными, тонкими, испачканными синей шариковой ручкой.

Забирай, сказал он, медленно убирая свою руку. Я сегодня уже ел углеводы. Угроблю фигуру, декан отчислит за несоответствие ГОСТам.

Она удивленно моргнула. Никто никогда не уступал ей последнюю колбасу.

У нас сессия, зачем-то сказала она, пряча пылающее лицо за прядью волос. Мне нужны жиры для работы мозга.

Тогда бери две, серьезно кивнул он. Одна пойдет на серое вещество, вторая на обогрев конечностей. У тебя нос синий.

Они просидели остаток вечера на широком подоконнике лестничной клетки, передавая друг другу бутылку полусладкого шампанского, которое отчаянно пенилось и било в нос. За окном валил настоящий русский снег тяжелый, крупный, заметающий следы. Они говорили обо всем и ни о чем. О том, что Витгенштейн ошибался насчет границ языка. О том, что панели новых домов похожи на гробы для великанов. О том, что если смешать водку с «Юпи», получится идеальный индикатор кислотности желудка.

У них совпадал угол зрения на мир. Там, где другие видели грязь, бетон и безнадёгу нулевых, они видели геометрию. Красоту линий. Абсурдную поэзию панельных девятиэтажек.

Самый смешной анекдот той ночи родился сам собой. Когда пьяный Миша-Бармалей попытался прочитать стихи собственного сочинения про экзистенциальный ужас таракана, Марк наклонился к самому уху Анны:

Если мы выживем, прошептал он, едва сдерживая смех, обещай мне одно. Никогда не рожать детей с фамилией Бармалей. Генофонд страны этого не выдержит.

Она фыркнула шампанским ему на куртку. И влюбилась окончательно. Потому что он увидел то же самое чудовищное убожество ситуации, что и она, но смог превратить его в броню.

Настоящее. Суббота. Спальня.

Марк открыл глаза. Часы показывали три сорок ночи. Зеленые цифры резали сетчатку.

Анекдот про Бармалея больше не казался смешным. Сейчас фамилия их сына была просто Иванов. Обычная, серая, функциональная. Как тот самый смеситель в ванной.

Он бесшумно сел на кровати. Оглянулся на Анну. Во сне она подтянула колени к груди, став похожей на ту самую девочку с бутербродами и синим носом. Но синевы носа сейчас не было была бледность переутомленного человека. Морщинка между бровей снова залегла

глубоким рвом. Ей снилось что-то тревожное. Наверное, восьмиклассник Соколов, читающий Камю перед лицом материнского разочарования.

Марк встал и вышел на кухню. Достал из холодильника пакет кефира. Налил в чашку. Сел за стол, включив тусклую подсветку вытяжки. Желтый свет выхватывал из темноты столешницу.

Раньше их разговоры строились на полутонах и внутренних кодах. Их язык был шифром, понятным только им двоим.

«Опять пошел дождь» означало «мне страшно смотреть в будущее».

«Эта песня дурацкая» означало «обними меня так крепко, чтобы кости хрустнули».

«Ты купил не те макароны» означало «я устала принимать решения, сделай хоть что-нибудь сам».

Теперь протокол связи изменился. Файл словаря потерялся при обновлении системы.

Он вспомнил вчерашний день. Воскресный список покупок, приколотый магнитом к холодильнику. Твердый почерк Анны, экономящий место на бумаге:

Молоко 3.2% 2 шт.

Хлеб цельнозерн. (ТОЛЬКО Бородинский!)

Капли в нос (мои)

Прокладки ночные (крылышки!!)

Средство для труб (воняет в ванне)

Позвонить в ЖЭК (СРОЧНО!!!!)

Картошка

Марк провел пальцем по строчке «Картошка». На полях листа, рядом с восклицательными знаками у прокладок, виднелся отпечаток её большого пальца смазанный кружок муки или сахара. Маленький биометрический след её присутствия.

Когда шутки про Бармалеев превратились в пункты шесть и семь? В какой точно вторник любовь перестала быть глаголом и стала существительным среднего рода «бытовуха»?

Архитектура их брака оказалась безупречной с точки зрения сопромата. Стены стояли, крыша не текла (почти), перекрытия держали нагрузку. Но архитектор забыл спроектировать вентиляцию. Воздух внутри застоялся. Кислород выгорел дотла, оставив после себя лишь золу привычек.

Он допил холодный кефир. Металлический вкус тревоги осел на языке.

Марк вернулся в спальню. Лег осторожно, стараясь не скрипнуть матрасом. Протянул руку вправо. Коснулся её плеча сквозь хлопок ночнушки.

Анна вздрогнула во сне, но не оттолкнула его. Её плечо было горячим, почти обжигающим. Под тонкой кожей лихорадочно бился пульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.